

Посвящение

*Верующим в истинную, этическую,
всепоглощающую любовь.*

Это — для вас.

Пролог

Руне

Мою жизнь определили четыре эпизода.
Этот — первый.

* * *

*Блоссом-Гроув, Джорджия
Соединенные Штаты Америки
Двенадцать лет назад
Возраст — пять лет*

— Jeg vil dra! Ne! Jeg vil reise hjem igjen! — крикнул я во весь голос, чтобы мама поняла — я хочу уехать! Прямо сейчас! Хочу вернуться домой!

— Мы не вернемся домой, Руне. И мы никуда не уедем. Теперь наш дом здесь, — ответила мама по-английски и, присев, посмотрела мне в глаза. — Знаю, ты не хотел уезжать из Осло, но твой папа

получил новую работу здесь, в Джорджии, — добавила она мягко и погладила меня по руке. Вот только мне лучше от этого не стало. Я не хотел жить здесь, в Америке. Я хотел вернуться домой.

— Slutt e snakke engelsk! — огрызнулся я, потому что терпеть не мог говорить по-английски. С тех пор как мы уехали из Норвегии в Америку, мама и папа обращались ко мне только на английском. Мол, мне надо приучаться.

А я не хотел!

Мама выпрямилась и подняла с пола коробку.

— Мы теперь в Америке, Руне. Здесь говорят на английском. И ты говоришь на английском столько же, сколько и на норвежском. Пришло время воспользоваться им.

Я сердито посмотрел на нее, но с места не сдвинулся. Она обошла меня и направилась к дому. Я огляделся. Улица, на которой мы теперь жили, была маленькая. Всего восемь домов. Все дома большие, но выглядели по-разному. Наш был красный, с белыми окнами и огромной верандой. Моя комната, тоже большая, находилась на первом этаже. Вообще-то, она мне нравилась. Классная комната. Раньше, в Осло, я никогда не спал внизу — только наверху.

Я присмотрелся к домам. Все были окрашены в разные яркие цвета: голубой, желтый, розовый... Я задержал взгляд на соседнем. Так близко... Нас разделяла только полоска травы. Оба дома большие, с большими дворами, и между ними ни стены, ни забора. Мне ничего бы не стоило, при желании, забежать в их двор.

Этот, соседний, дом был весь белый, и веранда как будто опоясывала его целиком. Во дворе, впереди, стояли кресла-качалки и качели. Оконные рамы были черные, и одно окно находилось напротив моего. Ровно напротив! Мне это не понравилось. Не понравилось, что из моей спальни можно смотреть в чужую, а они могут заглядывать в мою.

На земле валялся камешек. Я поддал его ногой, и он выкатился на улицу. Я уже повернулся, чтобы пойти за мамой в дом, но услышал шум. Какие-то звуки, доносившиеся из соседнего дома. Я посмотрел на их переднюю дверь — оттуда никто не выходил — и стал подниматься по ступенькам, но краем глаза заметил движение. Что-то происходило в окне первого этажа. Там самом, что смотрело в окно моей комнаты.

Рука замерла на перилах — в окне появилась девочка в ярком голубом платье. Забравшись на подоконник, она спрыгнула на траву и вытерла ладони о платье. Я знал, что девочка вот-вот поднимет голову, и заранее насупился. Волосы у нее были каштановые и собраны на голове так, что напоминали птичье гнездо. Сбоку висел большой белый бант.

Она подняла голову и посмотрела прямо на меня. А потом улыбнулась. Во весь рот. Помахала, подбежала и, остановившись передо мной, протянула руку.

— Привет, меня зовут Поппи Личфилд. Мне пять лет, и я живу по соседству.

Я уставился на нее с любопытством. Говорила она немножко странно, и ее английские слова звучали не так, как мы учили их дома, в Норве-

гии. На лице у девочки красовалось грязное пятно, на ногах — ярко-желтые резиновые сапожки с большими красными шарами сбоку.

Вид у нее был чудной.

Я перевел взгляд с ног на руку. Поппи ее так и не опустила. Что делать? Чего она ждет? Что ей нужно?

Девочка вздохнула. Тряхнула головой. А потом взяла мою руку и всунула в свою. Пожала, потрясла два раза.

— Это — рукопожатие. Моя бабуля говорит, что когда встречаешь новых людей, надо пожимать руку, здороваться. — Она показала на наши руки. — Мы поздоровались. Так делают вежливые люди, когда хотят познакомиться.

Я не ответил. Не знаю почему, но голос как будто потерялся. А потом посмотрел вниз и понял — это потому, что мы еще не разжали руки.

Как и лицо, пальцы у нее были в грязи. Она вообще вся перепачкалась.

— А как тебя зовут? — спросила Поппи, склонив голову набок. В волосах у нее застрял прутик. — Эй! — Она потянула меня за руку. — Я спросила, как тебя зовут.

Я откашлялся:

— Меня зовут Руне. Руне Эрик Кристиансен.

Поппи наморщила нос и втянула большие розовые губы. Получилось забавно.

— Ты чудно говоришь, — выпалила она.

— Nei det gjør jeg ikke! — буркнул я и выдернул руку. Она наморщилась еще больше.

Тысяча поцелуев, которые невозможно забыть

Я повернулся и пошел к дому. Разговаривать с ней мне уже не хотелось.

— Что ты сказал? — спросила Понти.

— Ничего, — сердито бросил я через плечо и уже на английском добавил: — Это по-норвежски!

Ее большие зеленые глаза сделались еще больше. Понти подошла ближе, потом еще ближе.

— По-норвежски? Как викинги? — пропихнула она. — Бабуля читала мне книжку про викингов. Там говорилось, что они из Норвегии. Руне, а ты — викинг? — Глаза у нее полезли на лоб.

Я с гордостью выпятил грудь. Папа всегда называл меня викингом и говорил, что в нашей семье все мужчины — викинги. Крепкие, смелые и сильные.

— Да. Мы — настоящие викинги, из Норвегии.

По ее лицу расплылась широкая улыбка. Понти громко, по-девчоночьи, хихикнула, подняла руку и потянула меня за волосы.

— Вот почему у тебя такие длинные светлые волосы и голубые, чистые, как хрусталь, глаза. Потому что ты — викинг. А мне сначала показалось, что ты выглядишь как девочка...

— Никакая я не девочка! — возразил я, но Понти, похоже, не обратила внимания. Я провел по волосам ладонью. Они были у меня до плеч, как носили все мальчишки в Осло.

— ...но теперь-то я понимаю, это потому, что ты — настоящий викинг. Как Тор. У него тоже были длинные светлые волосы и голубые глаза! Ты точь-в-точь Тор!

— Да, — согласился я. — Тот такой. А еще он самый сильный из всех богов.

Поппи кивнула и вдруг положила руки мне на плечи. Лицо у нее сделалось серьезным.

— Руне, — прошептала она. — Я никому не говорю, но тебе скажу — я отправляюсь за приключениями.

Какие приключения? Непонятно. Поппи сделала еще шаг вперед и посмотрела мне в глаза. Сжала мои руки. Наклонила голову чуть-чуть набок. Потом огляделась и, наклонившись, быстро заговорила:

— Вообще-то, я никого с собой за приключениями не беру, но ты викинг, и всем известно, что они хорошие путешественники и искатели, что они ходят в походы, захватывают в плен разных злодеев... и все такое!

Я немного растерялся, но тут Поппи отступила на шаг и снова протянула руку.

— Руне, — произнесла она серьезно и твердо. — Ты живешь по соседству, ты — викинг, а я люблю викингов. Думаю, мы должны быть лучшими друзьями.

— Лучшими друзьями?

Поппи кивнула и протянула руку еще ближе ко мне. Я нерешительно поднял свою, взял ее ладошку, пожал и дважды тряхнул, как она показывала.

Рукопожатие.

— Так что, мы теперь лучшие друзья?

Поппи убрала свою руку.

— Да! Поппи и Руне! — воскликнула она и, поднеся палец к подбородку, посмотрела вверх и втянула губы, как будто о чем-то задумалась. —

Тысяча поцелуев, которые невозможно забыть

Звучит хорошо, как ты думаешь? Поппи и Руне, лучшие друзья навеки!

Я кивнул — звучало и вправду хорошо. Поппи снова сунула свою ладошку в мою.

— Покажи свою комнату! Хочу потом рассказать про наше приключение. — Она потащила меня за собой, и мы вместе вбежали в дом.

В спальне, едва только протиснувшись в дверь, Поппи устремилась к окну.

— Твоя комната ровно напротив моей!

Я снова кивнул, и она восторженно запищала, подбежала ко мне и снова схватила за руку.

— Руне! Мы сможем разговаривать по ночам и сделаем ушки-токи из банок и шнура. Мы будем делиться секретами, когда все уснут, сможем строить планы, играть и...

Она болтала и болтала, и я был даже не против. Мне нравился ее голос, нравилось ее слушать. Мне нравился ее смех и большой белый бант у нее в волосах.

Может быть, Джорджия не такое уж и плохое место, подумал я, если у меня будет такой лучший друг, как Поппи Личфилд.

* * *

Так с того дня и повелось — мы с Поппи, Поппи и я.

Поппи и Руне.

Лучшие друзья навеки.

По крайней мере, так я думал.

Забавно, как все меняется.

*Разбитые сердца
и банка с мальчишескими
поцелуями*

Попти

Девять лет назад

Возраст — восемь лет

— Куда мы едем? — спросила я, когда папа мягко взял меня за руку и повел к машине. Почему меня так рано забирают с уроков? Сейчас ведь еще только перерыв на ланч. Уходить до окончания занятий нам не разрешалось.

Папа не ответил и только крепче сжал мою руку. Я оглянулась и пробежала взглядом по забору. Какое-то странное чувство стянуло живот. Мне нравилось в школе, нравилось учиться. Следующим уроком у нас была история, мой любимый предмет, и я, конечно, не хотела его пропускать.

— Поппи! — Стоявший у забора мой лучший друг, Руне, провожал меня взглядом. Я заметила, как сильно он сжал пальцами металлические прутья. — Куда ты? — В классе мы сидели рядом. Мы всегда были вместе, и когда кто-то один отсутствовал, другому становилось уже не так весело на занятиях.

Я посмотрела на папу, ожидая ответа от него, но он не глядел на меня. Молчал и ничего не говорил. Я снова повернулась к Руне и крикнула:

— Не знаю!

Руне смотрел мне вслед, пока я забиралась в машину. Когда я села на бустер, папа накинул ремень безопасности.

Со школьного двора донесся звонок — перерыв на ланч закончился. Я посмотрела в окно — все дети торопились вернуться в классы, но не Руне. Руне оставался у ограды, и ветер трепал его длинные светлые волосы. «*Ты в порядке?*» — спросил он одними губами, но тут папа сел в машину и тронулся с места, прежде чем я успела ответить.

Руне побежал вдоль забора, стараясь не отстать от машины, пока миссис Дэвис не окликнула его и заставила пойти на урок.

Школа уже скрылась из вида, когда папа наконец обратился ко мне:

— Поппи?

— Да?

— Ты ведь знаешь, что бабуля уже живет с нами какое-то время?

Я кивнула. Не так давно бабуля перебралась в комнату напротив моей. Моя мама сказала, что